

Камила Левитан

Измена мужа. Твоя любовница купила моё увольнение!

Камила Левитан

**Измена мужа. Твоя любовница
купила моё увольнение!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Измена мужа. Твоя любовница купила моё увольнение! /

К. Левитан — «Автор», 2026

Я восемь лет строила с мужем общий бизнес. Писала код, работала ночами, верила, что мы команда. А потом застала Максима с другой женщиной. Он назвал меня истеричкой. Любовница посоветовала исчезнуть. А на следующий день меня уволили, обвинили в краже разработок и оставили с долгами по ипотеке. Но кое-что предатели не учли: у меня сохранились доказательства. И чем глубже я копаю, тем страшнее правда. Его измена была спланирована заранее. За уничтожение моей репутации кто-то заплатил огромные деньги. Максим мечтал стать единственным владельцем нашего будущего. Что ж, дорогой. Скоро все узнают, кто на самом деле создал твой успех. И сколько стоило твоё предательство.

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Камила Левитан

Измена мужа. Твоя любовница купила моё увольнение!

Глава 1

Лифт отеля «Балчуг» остановился на четвёртом этаже, но двери не открылись. Экран панели мигнул красным, выдавая ошибку «E-42», и тишина вокруг стала такой плотной, что звенело в ушах. Я посмотрела на часы: 19:47. До показа питч-дека инвесторам из фонда «Вектор» оставалось чуть больше двенадцати часов. А презентация была на ноутбуке Максима.

«Они просто забыли технику в номере», — твердила я себе, сжимая ладонь в кулак так, что ногти впились в кожу. «Максим всегда оставляет вещи разбросанными. Это не измена, это хаос. Это наш общий хаос».

Телефон ловил только один бар сети. Сообщения висели в статусе «отправляется...». Паника поднималась от живота к горлу холодным комком, но я заставила себя дышать. Вдох на четыре счета. Выдох на восемь. Насколько я помнила инструкции по безопасности, если лифт зависает, нужно дождаться помощи. Но ждать было нельзя. Бизнес-план рухнет без этой презентации. Наша ипотека, наши годы бессонных ночей, наши мечты о независимости — всё висело на волоске, привязанном к этому чертовому ящику из стали.

Я ударила плечом в створки дверей. Они не поддались. Ударила еще раз, сильнее, чувствуя, как боль отдаётся в ключице. Снова. Третий удар был уже на грани истерики, но руки действовали механически. Ничего. Только плечо заныло так, что пришлось прижать локоть к боку. Я нажала кнопку вызова диспетчера.

— Четвёртый этаж, я застряла. Вы меня слышите?

Из динамика донёсся треск, потом мужской голос:

— Слышу. Отойдите от дверей. Кабина на уровне площадки, сейчас откроем снаружи. И больше не толкайте.

Я отступила, стиснув зубы. За створками звякнул металл. Щелчок. Двери медленно, со скрежетом, разъехались в стороны. Передо мной открылся коридор четвёртого этажа, залитый аварийным зеленым светом.

Я выскочила наружу, зацепившись носком за порог и едва не упав на колени. Колени дрожали, но я заставила ноги работать. 403. 404. Я считала номера на дверях, пока не увидела нужный: 405. В голове крутилась единственная мысль: не дай им заметить слабость. Не дай им почувствовать, что ты одна. Ты команда. Ты и он.

На этаже люксов меня ждал коридор, перекрытый уборщицей. Женщина в серой униформе стояла посреди прохода, держа в руках швабру как щит.

— Там VIP-клиент, — сказала она строго, даже не взглянув на меня. — Тишина обязательна. Уходите.

— Мне нужен номер 405, — голос вышел хриплым. — Там мой муж. И моя работа.

— Никаких работ. Только отдых.

Я достала бейдж компании «Nexus Tech». Пластик скользнул между пальцами, холодный и тяжелый.

— Если через минуту я не попаду в этот номер, я напишу жалобу управляющему вашего отеля. На официальном бланке. С копией в головной офис сети. Знаете, сколько стоит репутация такого места?

Уборщица прищурилась, оценивая мою решимость. Она шагнула в сторону, позволяя мне пройти.

Проходя мимо нее, я почувствовала запах. Чужой. Резкий, дорогой парфюм. Egoïste Platinum. Максим носил его пару раз, когда хотел произвести впечатление на клиентов, но я никогда не покупала ему этот аромат. Он пах деньгами и чужими руками. Запах осел на моей одежде, въедливый и навязчивый, словно предупреждение.

Дверь номера 405 была приоткрыта. Из темноты слышался тихий стук клавиатуры и низкий мужской голос:

— ...Она не должна знать. Пока не закончится аудит.

Сердце пропустило удар. Я толкнула дверь плечом.

Внутри было темно, лишь экран ноутбука на столе освещал комнату синеватым сиянием. Максим сидел спиной ко мне, склонившись над клавиатурой. Его плечи были напряжены. На экране, прямо напротив входа, виднелась открытая почтовая программа. Заголовок письма: «Re: Протокол передачи IP». Отправитель: «Катерина Волкова, HR-Director, Rival Corp».

Я не кричала. Я не плакала. Я просто смотрела, как строчки текста складываются в предложение, которое резало лучше ножа: «Убери её из проекта, или я солью твои старые коды конкурентам. Она мешает тебе быть единственным автором».

Максим резко захлопнул крышку ноутбука. Звук удара пластика о пластик прозвучал как выстрел в тишине комнаты. Он развернулся на стуле, и на его лице натянулась улыбка — дежурная, которую он использовал на совещаниях, чтобы скрыть нервозность.

— Алинка? Ты чего так поздно? Я думал, ты дома. Просто... стресс. Дедлайн давит. Сядь, выпей воды. Ты выглядишь ужасно.

Он встал со стула и сделал шаг навстречу, пытаясь перехватить инициативу, словно мы обсуждали меню на ужин, а не предательство.

Я не села.

Пока он говорил, я обошла стол. Бутылку воды, которую он протягивал, отодвинула локтем. Мой взгляд упал на USB-флешку, торчащую из порта ноутбука. Максим инстинктивно дернулся прикрыть ее ладонью, но было поздно. Я вырвала флешку из разъема. Металлическая деталь обожгла кончики пальцев. Холодная фиксация угрозы заменила гнев.

— Что ты делаешь? — спросил он, и в голосе впервые прорезалась тревога.

— Забираю актив, — ответила я ровно.

Я положила флешку в карман своего пальто. Вес маленький, всего несколько граммов, но мне казалось, что там лежит свинцовый слиток.

Максим сменил тактику. Он выпрямился, сложив руки на груди, и его лицо приняло выражение оскорбленной добродетели.

— Ты опять за свое, Алина? Паранойя? Ты душишь меня контролем! Этот код — моя личная разработка, я работал над ним ночью, пока ты спала! Верни флешку. Это не твое дело. Это моя интеллектуальная собственность.

Его голос набирал обороты, становясь громче, агрессивнее. Он давил на чувство вины, на мою неуверенность, на то место в душе, где я годами сомневалась, достаточно ли хороша я для него.

— Договор о совместном IP, пункт 4.2, — процитировала я, не повышая голоса. Мы подписали его два года назад, когда оформляли права на стартап. Там четко сказано: все разработки, созданные в период партнерства, являются общей собственностью. Почему в переписке было имя Екатерины? HR-директора нашего главного конкурента, который пытается нас уничтожить?

Лицо Максима побледнело. Цвет уверенности исчез, оставив лишь серую маску страха. Он открыл рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле.

Именно в этот момент дверь номера распахнулась полностью.

На пороге стояла женщина. Высокая, в идеально сидящем деловом костюме цвета мокрого асфальта. В руке она держала бокал шампанского, пузырьки которого лениво поднимались вверх. Екатерина. Та, чье имя мелькало на экране.

Она осмотрела комнату презрительным взглядом, задержавшись на мне дольше, чем следовало.

— Старый код, — произнесла она мягко, но каждое слово било точно в цель. — Пора удалять. Не правда ли, Максим?

Максим молчал. Он опустил глаза, глядя на свои туфли, подтверждая союз с врагом своей тишиной.

Любовь умерла не от ревности. Она умерла от осознания того, что мой партнер — вор. Он продал меня не телом, а интеллектом. Он продал нашу мечту ради должности СТО в компании, которая ненавидела нас.

Я достала телефон. Палец привычно скользнул по экрану, включая камеру. Красная точка записи зажглась в углу дисплея.

— Максим, — сказала я тихо, глядя ему прямо в глаза. — Если ты не скажешь сейчас, кто инициировал эту встречу и почему ты согласился на сделку, этот ролик улетит всем твоим потенциальным работодателям. И в банк по ипотеке тоже. Пусть они увидят, какой ты профессионал.

Екатерина усмехнулась, но в глазах мелькнуло раздражение.

Максим сорвался. Он метнулся ко мне, хватая за руку, пытаясь вырвать телефон. Его пальцы сжали моё запястье. Под ними белела кожа; завтра здесь будут синяки. Боль была острой, но ясность ума — еще более острой.

— Ты не посмеешь, — прошипел он, наклоняясь близко к моему лицу. Я чувствовала его дыхание, горячее и злое.

— Посмею, — ответила я. И шепнула пароль от нашего общего облачного хранилища. Тот, который он думал, что я забыла после аварии сервера год назад. Ещё в лифте я поставила архив журнала доступа на выгрузку; теперь на экране загорелось «Сохранено».

Максим замер. Его рука ослабла. Он понял. Я уже скопировала логи доступа. Все доказательства. Каждый байт предательства.

Я высвободила руку, поправила манжету рубашки, которая съехала во время потасовки. Действие было мелким, бытовым, но оно вернуло мне контроль.

— Приготовься к суду, — бросила я, не дожидаясь ответа.

Я вышла из номера, прикрыв за собой дверь. Не обернулась. Чувствовала спиной взгляды мужа и женщины, ради которой он вычёркивал меня из проекта. Коридор снова встретил меня тишиной и запахом Egoiste Platinum, теперь смешанным с потом и страхом.

В холле отеля было пусто. Огромное зеркало отражало фигуру женщины в дешевом пальто и с идеальной прической, которая начала рассыпаться. Я подошла ближе. На щеке не было слез. Глаза были сухими, как пустыня.

Телефон в руке вибрировал. Уведомление от банка: «Ипотека просрочена на 1 день. Штраф начислен».

Это была капля. Последняя. Но я не разбилась.

Я набрала номер Дмитрия. Единственного человека, которому когда-либо доверяла в вопросах безопасности данных. Бывшего следователя, теперь сотрудника безопасности нашего банка, который однажды помог нам отбить хакерскую атаку и сказал тогда: «Если что-то пойдет не так, Алина, ты знаешь, куда писать».

Палец завис над кнопкой вызова. Потом я изменила решение. Позвонить означало показать слабость. Нужно было действовать.

Я написала сообщение. Одно слово. Без приветствий, без объяснений.

«Начинаем».

Отправка прошла мгновенно. Две галочки. Прочитано.

Ответ последовал через десять секунд. Фотография скриншота транзакции с аккаунта Максима. Подпись: «Завтра свяжусь. Есть вопросы к твоему мужу».

Я посмотрела на отражение в зеркале лифта. Отражение смотрело обратно с холодной яростью, которая грела лучше любого камина. Флешка в кармане пальто лежала тяжело, но я больше не чувствовала веса иллюзий. Иллюзия безопасного брака треснула и рассыпалась в пыль, а на её месте выросла стратегия.

Инвесторам завтра не будет презентации. Будет война.

И я была готова.

Глава 2

Воздух в переговорной «Скай-Лайн» пах озоном от кулеров и чьим-то дорогим, резким парфюмом. Я сидела на краю стула, впинаясь ногтями в ладони до белых полумесяцев. Напротив меня — Ирина Валерьевна, HR-директор компании, которая ещё вчера приглашала нас с Максимом на корпоратив как «золотую пару». Сегодня её лицо было маской из фарфора: безупречная улыбка, холодные глаза. «Скай-Лайн» наняла нас развивать «Nexus Tech» и держала долю в стартапе. Вчера это называлось поддержкой. Сегодня — поводом распоряжаться мной.

— Алина, давай будем взрослыми людьми, — произнесла она мягко, но голос звенел, как струна под натяжением. — Ситуация щекотливая. Утечка исходного кода модуля аутентификации... это уже уголовщина. Но мы не хотим судиться. Мы хотим сохранить лицо. Подпиши соглашение о неразглашении и заявление по собственному желанию. И всё забудется. Твоя биография останется чистой.

Я посмотрела на лист бумаги. Чернила казались жирными червями.

— Я не подписываю признание в преступлении, которого не совершала, — мой голос дрогнул, но я заставила его звучать твердо. — Требую служебное расследование. Доступ к логам сервера. Кто имел административные права? Когда был последний вход? Вы же знаете, что Максим имел полный доступ.

Ирина вздохнула, будто устала от нудного клиента в банке.

— Логам не верят, Алина. Верят показаниям свидетелей. А Максим сказал, что ты истерила, требовала удалить его коммиты, угрожала слить проект конкурентам. Он был в стрессе. Ты знаешь, он гений, а гении нестабильны. Ты же не хочешь, чтобы полиция вскрыла твои личные переписки? Там есть много... компрометирующего. Например, твои сообщения с бывшим партнером.

Кровь отхлынула от лица. Она блефовала. Или нет? В голове загудело, как в лифте, который резко сорвался вниз.

— Мне нужен юрист, — сказала я, чувствуя, как спина мокреет от пота.

— У тебя его нет, — отрезала Ирина. — Подпиши. Или мы идем в суд. И тогда твоя карьера закончится навсегда. Не только здесь. В Москве. В России.

Я не подписала. Я встала, схватив сумку так, что ремень врезался в плечо, оставляя синяк. Ирина сунула мне копию приказа об увольнении. Внизу уже стояла подпись директора; заявление «по собственному» понадобилось им, чтобы замести следы. Я забрала бумагу. Меня вывели из переговорной. В коридоре толпа сотрудников замерла, делая вид, что смотрит в телефоны, но их боковые взгляды жгли мою кожу. Они знали. Слухи бегут быстрее света в оптоволокне.

У лифта меня перехватил Сергей Петрович, СТО. Мужчина, который три года назад хвалил мой продукт-план и называл меня «будущим лицом компании». Сейчас он смотрел куда-то поверх моего плеча, на стену с мотивационным постером про «команду мечты».

— Серёж, — начала я, делая шаг к нему. Его запах — дешевый кофе и нервозность — ударил в нос. — Скажи им правду. Ты видел логи. Ты знаешь, что код сливал не я.

Он наконец посмотрел на меня. В его глазах не было сочувствия, только расчетливый страх.

— Алина, тише. Здесь камеры. Репутация компании важнее правды одного менеджера. Даже если этот менеджер — ты. Максим уже предоставил доказательства своей невиновности. Он плакал, детка. Настоящими слезами. А ты... ты выглядишь как террористка в костюме от Max Mara. Охрана проводит тебя. Пожалуйста, не устраивай сцен.

Меня взяли под руки двое охранников. Их пальцы были жесткими, грубыми. Они вели меня через холл, мимо ресепшена, где секретарша демонстративно отвернулась, глядя в мони-

тор. Каждый шаг отдавался в висках глухим гулом. Изоляция была полной. Ещё вчера я была частью механизма, сегодня я стала мусором, который нужно вынести.

На улице было серо и влажно. Ноябрьская Москва дышала сыростью. Телефон в кармане завибрировал. Не входящий вызов, а уведомление от банка.

«Следующий платёж по кредиту через 3 дня».

Я остановилась посреди тротуара, среди толпы людей, несущихся к метро. Сердце заколотилось где-то в горле. Открыла приложение. Баланс: 450 рублей. Операции по счету заблокированы. Банк сообщил о проверке подозрительных операций и предложил связаться с отделом безопасности. Чуть ниже было письмо от «Скай-Лайн»: они направили в банк заявление о хищении активов. Не приказали ему — попросили проверить. И этого хватило, чтобы мои переводы остановились. Просроченная ипотека никуда не делась; платёж через три дня относился к отдельному кредиту на запуск стартапа.

Я набрала маму. Гудки шли долго. Когда она ответила, я ожидала крика или слез. Вместо этого услышала сухое, усталое дыхание.

— Мам, мне нужна помощь. Срочно. Арестовали счет. Я потеряла работу... из-за Максима. Это подстава, я объясню позже, но сейчас нужны деньги на ипотеку. Хотя бы на месяц.

Тишина на том конце провода длилась вечность.

— Алин, — голос мамы был тихим, как шорох осенних листьев. — Мы всегда говорили, что этот Максим тебе не пара. Он амбициозный, пустой. Ты слушалась? Нет. Ты строила жизнь вокруг него. Теперь расхлебывай. У нас нет свободных денег. Папе операцию делают. Прости.

Щелчок. Линия оборвалась. Я стояла у окна витрины магазина электроники, отражаясь в стекле. В стекле стояла женщина с размазанной тушью и взглядом загнанного зверя. Злость поднялась внутри, горячая и вязкая, как смола. Не боль от предательства мужа. Боль от того, что мир решил: я виновата сама. Потому что выбрала его. Потому что поверила.

Телефон снова дернулся. Общий чат отдела. Кто-то скинул скриншот переписки Максима с Екатериной (HR конкурента). Текст был вырван из контекста, искажен, но смысл читался однозначно: «Она меня достала, хочу уйти. Невозможно работать с истеричкой».

Под постом всплыли комментарии. Коллеги, с которыми мы пили пиво на пятницах, писали: «Бедный Макс, терпел эту дурнушку два года», «Алина всегда была токсичной, помните тот случай с дизайнерами?», «Жаль, но справедливо».

Я смотрела на эти буквы, и они превращались в насекомых, ползущих по экрану. Публичный линч. Реальность уничтожена нарративом. Правда не имела веса против удобной легенды о «сумасшедшей жене и гениальном муже».

Я зашла домой. Квартира была пустой. Тишина давила на уши физически, как ватные тампоны. Максим забрал вещи. Осталась только моя зубная щетка в стакане и его кружка с отколотым краем на кухне.

Голод скручивал живот, но еда казалась невозможной. Я достала коробку с остатками макарон. Переложила макароны в тарелку. Руки тряслись так сильно, что она выскользнула из пальцев и разлетелась на осколки. Белый фарфор рассыпался по ламинату, как снег.

Я села на пол среди острых кусков. Воздуха не хватало. Дыхание сбивалось в короткие всхлипы. Слезы потекли сами, горячие, соленые. Я плакала не от жалости к себе. От бессилия. Ипотека висела надо мной дамокловым мечом. Стартап заморожен. Друзья исчезли. Работа потеряна.

«Слезы не оплатят кредит», — мелькнула мысль. Холодная, циничная.

Я перестала всхлипать. Вытерла лицо рукавом свитера, оставляя мокрые полосы. Посмотрела на осколки. Нужно убрать. Иначе порежу ноги. Если порежу, не смогу бежать. А бежать придется.

Телефон завибрировал в кармане джинсов. Незвестный номер. Я взяла трубку, ожидая очередного оскорбления от коллекторов или насмешки коллег.

— Алло?

Голос был низким, хриплым, с нотками усталости. Я узнала его раньше, чем он назвал имя.

— Алина Волкова?

— Да. Кто это?

— Дмитрий Соколов. Мы вчера переписывались. Я занимаюсь внутренней проверкой в отделе экономической безопасности банка, который финансировал ваш стартап. Уголовное дело будут вести в полиции, если подтвердится хищение.

Мои пальцы сжались на трубке. Значит, наш банк уже влез в это. Зачем ему я?

— Я видел логи доступа к серверу в ночь перед вашим увольнением, — продолжил он сухо, быстро, без интонаций. — Там нет вашего IP-адреса. Но есть след «чистки». Системный журнал был перезаписан вручную. Администраторским ключом, который был у Максима.

— Что это значит? — шептала я, чувствуя, как мурашки бегут по спине.

— Это значит, что вас не просто уволили. Вас вырезали из истории проекта. Чтобы вы не могли доказать авторство кода. Чтобы он стал единоличным владельцем интеллектуальной собственности. Это не измена, Алина. Это кража. И вы — свидетель, который может дать показания против промышленного шпионажа.

Сердце пропустило удар. Потом начало биться часто-часто.

— Зачем вам это?

— Мне нужно довести до конца проверку по крупному хищению. Екатерина работает на конкурентов, которые отмывают деньги через стартапы. Вы — единственная, кто знает внутреннюю кухню. Если хотите вернуть своё имя и деньги — встречайтесь со мной завтра в кафе «Кофеин» на Арбате. В 19:00. Не берите телефон с собой. Оставьте его дома. Это будет разговор офлайн.

— А если я не приду?

— Тогда я буду проверять переводы без вашей помощи. Но кто писал код, за вас никто не объяснит. Я не обещаю, что завтра всё исправлю. Приходите, если хотите, чтобы я услышал и вашу версию.

Он повесил трубку.

Я сидела на полу, вдыхая запах пыли и старого лака. Удар был не про любовь. Удар был про деньги. Про карьеру. Про власть. Моё унижение было инструментом в чужой игре.

Экран телефона засветился в темноте кухни. Новое сообщение от Максима. Последнее. «Прости, я не смог иначе. Но код наш. И ты тоже была нашей ошибкой».

Я посмотрела на эти слова. Раньше они ранили. Сейчас они вызвали лишь презрение. Холодное, кристальное, как зимнее стекло.

Я встала. Аккуратно собрала осколки тарелки в пакет. Завязала узел.

Завтра я пойду на Арбат. Телефон останется дома. Страх останется вместе с ним.

И я заберу то, что мое.

Глава 3

Кофе в «Кофеине» на Арбате остыл, превратившись в горькую жижу, но я не отрывала взгляда от его темной поверхности. Вокруг гудела жизнь: девушки селфились у витрин, мужчины обсуждали биткоины, официанты звенели фарфором. Телефон я всё-таки взяла — выключенный, на дне сумки. Приказ оставить его дома был слишком похож на просьбу добровольно ослепнуть. А мы сидели в углу, как заговорщики, и воздух между нами был плотным, как бетонная стена.

Дмитрий крутил в пальцах серебряную зажигалку — привычка, выдающая человека, который слишком долго смотрел на огонь, чтобы не обжечься. Он не предлагал мне кофе. Не спрашивал, как дела. Он ждал. И я знала: если я заплачу или начну оправдываться, он встанет и уйдет. Мне нужна была не жалость. Мне нужна была правда.

— Ты нужна мне не как жертва, Алина, — его голос был низким, бархатистым, но в нем скрежетали осколки стекла. — Жертвы бесполезны. Они плачут в жилетку и требуют компенсации. Мне нужен ключ. Докажи, что ты им владеешь.

Я медленно достала из сумки флешку, погрела в ладони, пока решалась, и положила на стол. Щелчок металла о дерево прозвучал оглушительно громко.

— Это то, что было в ноутбуке Максима в номере отеля. Переписка с Екатериной. Лог-файлы доступа к серверу стартапа. Дома я добавила к ним архив из нашего облака — сохранила отдельно, чтобы не смешать источники. Я не разбираюсь в подделке логов, Дмитрий. Но я знаю, что там есть имя твоей бывшей напарницы. Той, о которой ты говорил после атаки на наш сервер. Ты тогда не назвал фамилии. Сейчас увидела её в старой переписке и узнала.

Его рука замерла. Зажигалка перестала щелкать. На мгновение циничная маска сползла, обнажив лицо человека, который спит по два часа в сутки и видит во сне предательство.

Он взял флешку, подключил ее к своему планшету, который лежал под салфеткой. Его пальцы летали над экраном, быстрые, точные, хищные. Я смотрела на эти пальцы и чувствовала странный холодок. Не страх. Осознание силы. Рядом со мной сидел человек, который мог разрушить мир Максима одним движением, если захочет.

Через минуту он поднял глаза. В них плескалось разочарование, смешанное с яростью.

— Файлы изменены задним числом, — бросил он сухо. — Метаданные перебиты. Кто угодно может сказать, что это подделка, которую ты сделала сама, чтобы опорочить мужа. Или... Максим уже начал стирать следы?

Сердце упало в желудок. Я открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. Подставили меня? Или я действительно ничего не понимаю в этой игре?

— Если файлы подделаны, — сказала я тихо, стараясь, чтобы голос не дрогнул, — значит, Максим действовал не один. У него есть сообщники внутри компании. Те, кто знает архитектуру безопасности. Ты же видишь структуру папок? Это не дилетантская работа. Это заказной хакер. Проверь IP-адреса, которые остались в черновиках. Там должен быть адрес Екатерины. Просто дай мне веру, а не приговор.

Дмитрий молчал. Он изучал меня взглядом, словно взвешивал на весах. Потом вдруг усмехнулся. Криво, опасно.

— Знаешь, что забавно? — спросил он. — Екатерина тоже думала, что она умнее всех. Она использовала меня, чтобы выбить конкурентов, а потом оставила меня разбираться с последствиями. Однажды.

Вот почему он так быстро прислал транзакцию. Раньше он был для меня бывшим следователем, который умел довести жалобу до нужного кабинета. Теперь передо мной сидел человек с личной вендеттой, готовый рискнуть работой, карьерой, свободой ради одного имени. Этот азарт охотника в его глазах пугал больше, чем равнодушие. Но именно он давал шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.